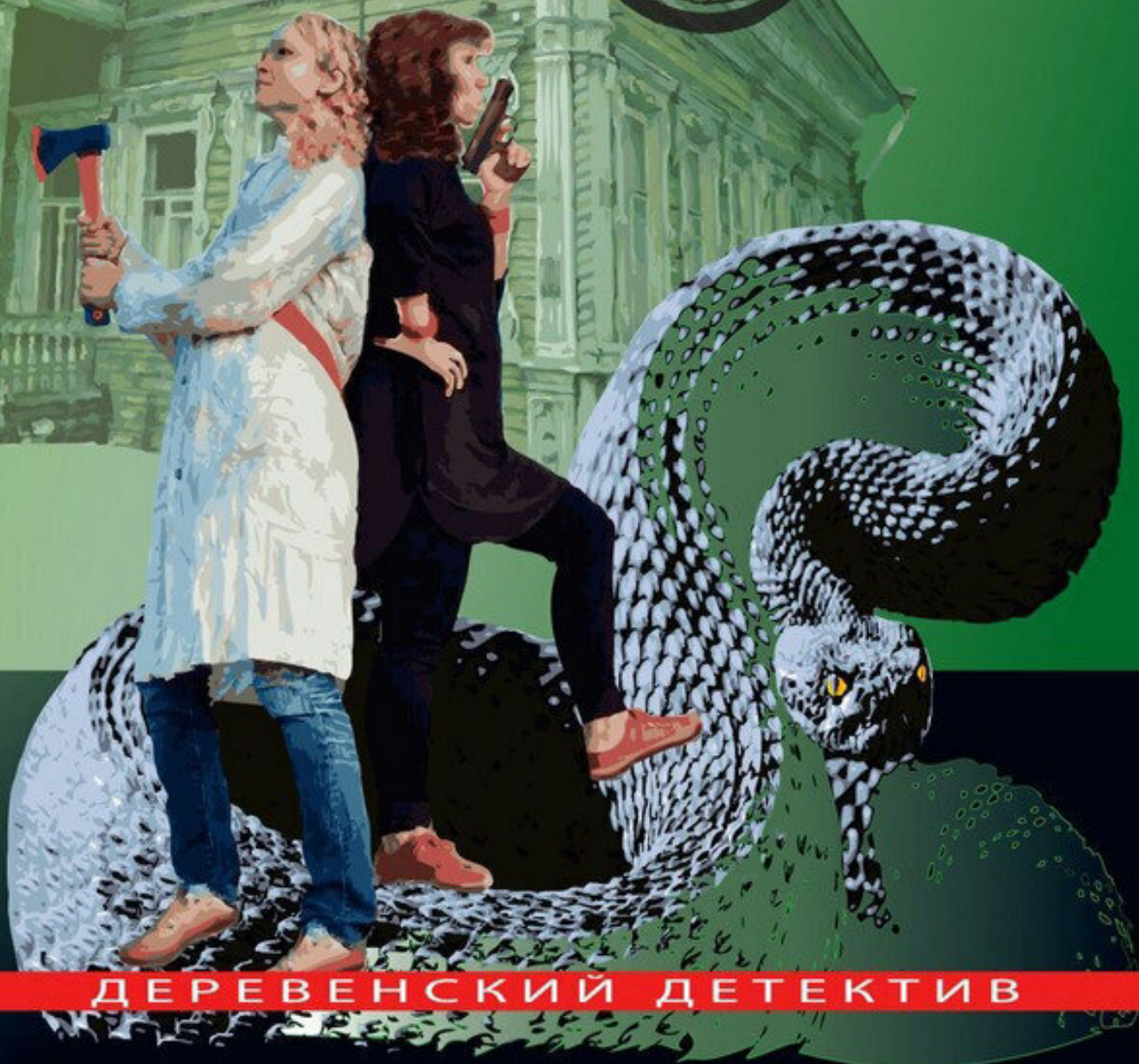
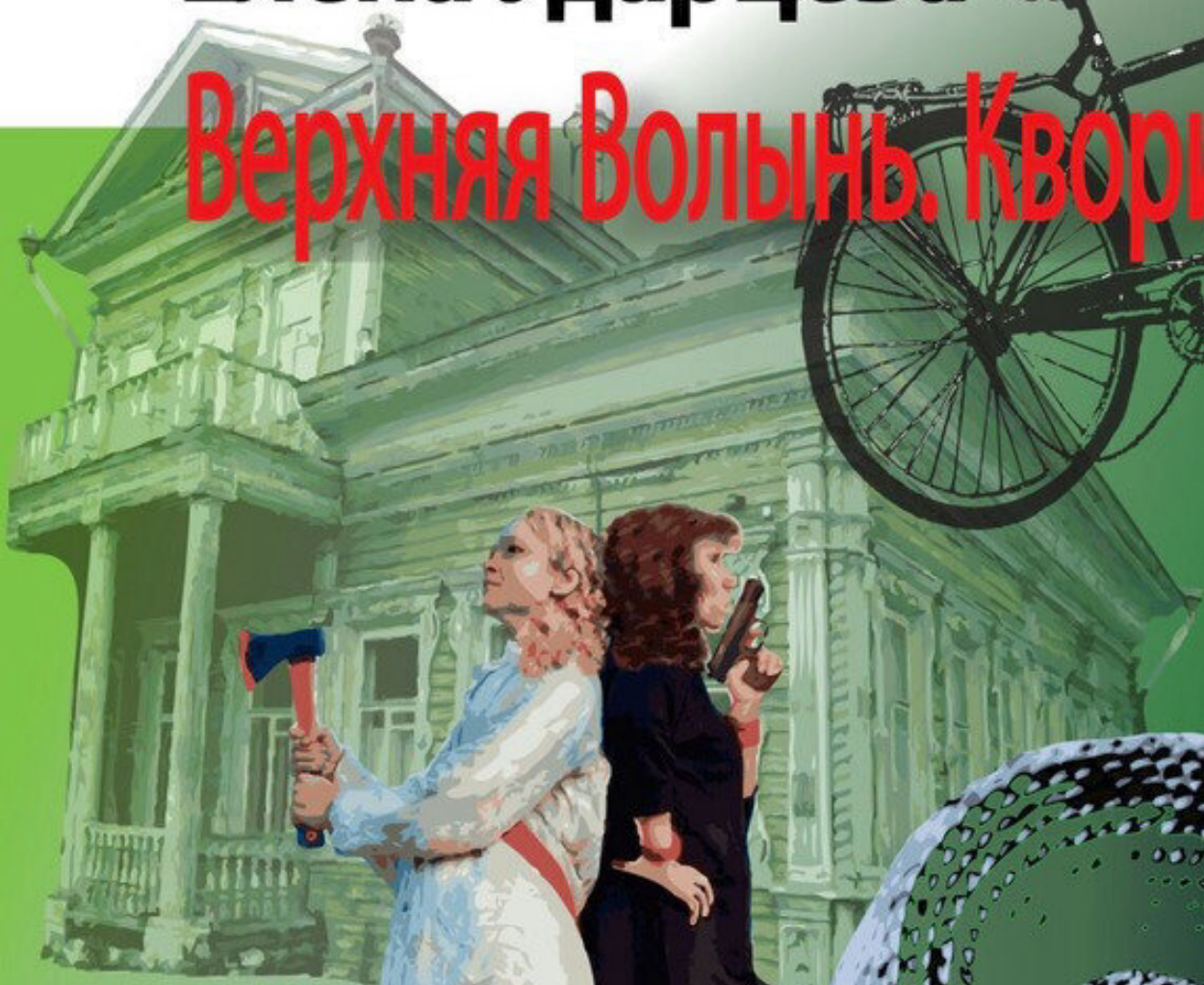

18+

Елена Ударцева

Верхняя Волынь. Кворила

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Елена Ударцева

**Верхняя Волынь. Кворила.
Деревенский детектив**

«Издательские решения»

Ударцева Е.

Верхняя Волынь. Кворила. Деревенский детектив / Е. Ударцева —
«Издательские решения»,

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Молодой терапевт Полина Гранкина бежит в деревню от несчастной любви. Вскоре она выясняет, что сельское поселение Верхняя Волынь напичкано тайнами и убийствами не хуже английской провинции. Бывшую учительницу Сашевич укусила змея. Несчастный случай? Полина, сыщик от медицины, уверена, что убийство: кровь свернулась слишком быстро для яда гадюки. Вместе с участковой Екатериной Рачковой она расследует первое дело из серии деревенских детективов «Верхняя Волынь».

© Ударцева Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Верхняя Волынь. Кворила Деревенский детектив

Елена Ударцева

*Моим маме, папе, бабуле, тётке Тане и всем Панчукам, что привили
мне любовь к деревне.*

*Дизайнер обложки Анастасия Чешко
Корректор Лилия Ермакова*

© Елена Ударцева, 2026
© Анастасия Чешко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-8633-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Профессор Тихомиров хитро уставился на небольшую группу в белых халатах. Зеленоватые медицинские маски закрывали половину лица каждого.

— Поздравляю! Вы дожили до сегодняшнего дня. Интерны! Терапевты! Вы — первые люди, к которым приходит больной. Первые, в кого он чихает, и первые, кому прилетает от других врачей за неправильную диагностику.

Профессор Тихомиров слабо походил на доктора Хауса и явно об этом жалел. Свой субтильный склад, низенький рост и круглую лысину на темени он компенсировал вредными загадками и театральщиной. Группа в белых халатах стояла посреди небольшого кабинета. За ширмой находился больной. Сейчас профессор закончит пламенную речь, откроет ширму, и все облепят пациента, пытаясь по очереди узнать, что же с ним «не так». Рыжая пышка Варя глубоко зевнула, чуть не потеряв маску.

— Таких пациентов один на миллион, — шепнула она стоящей рядом подруге. — Лучше бы на инфарктниках тренировались. Какая жара в этой маске. Почему нельзя её снять?

— Потому что ты понятия не имеешь, с какой болячкой пришёл к тебе пациент, — объяснила подруга. — И загадки мне нравятся: будто я — мисс Марпл, раскрываю преступление.

— Ты всегда так, — Варя закатила глаза.

Подруга, крупноватая девчонка с по-детски пухлыми щёчками и мышиного цвета волосами, подалась вперёд. Профессор Тихомиров отодвинул ширму.

Полина Гранкина действительно обожала диагностические казусы. В такие моменты она чувствовала свою значимость среди тысяч других терапевтов. Она сделала было шаг к пациенту, но вокруг него собралось плотное кольцо из других претендентов. Варя поспешила шепнуть:

— Я тебе говорила: не выпендривайся. Тебя считают выскочкой.

— Не все, — парировала Полина.

Прислонившись к стене, стоял Он. Ореховые лоферы идеально подходили к цвету глаз, халат выглажен и отбелен, модная стрижка и самая лучшая улыбка на свете — гагаринская, открытая. Парень подмигнул Полине, от чего она зарделась и потупила глаза. Артём Исаковский — первая и давняя любовь, сосед по лестничной клетке.

— Температура, зуд, узлы под кожей, — кто-то рапортовал Тихомирову результат осмотра.

— Зев чистый, кожа сухая, дыхание учащённое.

— Есть незначительные хрипы слева.

— И что? — Профессор не любил констатации очевидных фактов.

— ОРВИ с осложнением по лимфатическим узлам?

— И вас не смущает наличие... — начал профессор, но его перебила выскочка Игнатова.

— Подкожные узлы расположены далеко от лимфатических узлов, что исключает осложнения по ОРВИ и раковые образования. Можно сдать на онкомаркеры. Возможно, это особый вид фибромы. Хотя я думаю, это...

Профессор Тихомиров поблёскивая лысинкой, внимательно следил за Игнатовой. Жестом предложил ей продолжить.

— Пациентка сказала, что месяц назад вернулась из Южной Америки.

— Ага? — Профессор оживился, будто готовый услышать ответ на загадку.

Через кордон спин пациентку было не разглядеть. Полина привстала на носочки, чтобы увидеть злополучные подкожные узлы, но Игнатова нарочно качнулась, перекрыв обзор. Не вопрос. Полина присела: из-под больничной сорочки торчали сухие ноги, пресловутые узлы были небольшими, будто колечки сухого завтрака под кожей. Пациентка переложила ногу на

ногу, и Полина заметила хирургическую повязку. Брали биопсию? Полина стянула с кушетки карту пациентки. Остальные её пролистали без интереса. Женщина, 68 лет, вернулась из Южной Америки. Корь, грипп, ОРВИ, начинающийся артрит нижних конечностей. Полина нагнулась — это точно не артрит. Узлы выглядели ровно, без синюшности. Гематомы и варикоз можно исключить.

— Я считаю, это филяриатоз! — победно закончила доклад Игнатова. — Паразиты.

Профессор даже зааплодировал. Игнатова смутилась и тут же бросила в Полину победный взгляд.

— Рано радуется, да? — раздался над ухом терпкий голос Артёма. Полина моментально поджала живот. Свежие ореховые лоферы пнули её растоптанные кеды.

— А, это мои слова, — обиженно протянула Варя.

Чёрт, рядом с этим мужчиной она не могла сосредоточиться. Полина закрыла глаза — спокойно. Артём рядом, всё хорошо. Она кожей шеи чувствовала его дыхание, а волоски встали на правой руке, что ближе к нему. Но. Что с пациенткой? ... Хвостик мысли пронёсся мимо. Ответ где-то рядом. Полина уткнулась в карту, быстро-быстро пролистала листки. Образ пациентки вырос перед нею: обычная педагогическая мышь. Зачаточный геморрой из-за сидячей работы, долгое стояние на ногах дало напряжение на вены нижних конечностей, проблемы с голосовыми связками — ларингит дважды в год. Типичные проблемы педагога, скучные и предсказуемые. Но что-то «не так».

Полина знала это чувство — тонкий зуд, свербящее сверло правды где-то в зубах. Будто она уже знает ответ, он у неё перед глазами, но Полина его упускает. Мысль настойчиво маячила. Интерн-терапевт Гранкина П. В. закрыла глаза.

— Bravo! Я знал, что кто-то попадётся на эту уловку. — профессор Тихомиров был в восторге от проделки, — Стоит появиться чему-то диковинному, и посредственности сразу за это хватаются. Игнатова, вы хороший доктор. Но вы не гений. Берите пример с Варвары, не пытайтесь быть тем, кем не можете. Ваш удел — районная поликлиника, бабушки и сопли.

— Но... — пунцовая Игнатова не привыкла сдаваться.

— Ты не учла период инкубации.

Голос раздался у уха. Варя оглянулась. Отутюженный Артём говорил знающе и очень уверенно. Как не противен он был рыжей пышке, но стоило признать — такому врачу хотелось верить, у него хотелось лечиться.

— При филяриатозе он составляет шесть-семь лет, а она вернулась месяц назад.

Профессор Тихомиров довольно поклонился Исаковскому.

— Может, у вас есть своя версия?

— Ну, — Артём замялся, — думаю действительно не стоит исключать рак. И хрипы в лёгком. Может, это перибронхит?

— Туберкулёз кожи и подкожной жировой клетчатки. Но здесь нет результатов биопсии и анализов кожных покровов.

Голос Полины припечатал интернов. Как по команде, они отскочили от пациентки и плотнее прижали к носу медицинские маски. Варя спряталась за дверь.

— А это не против правил? Мы же можем заразиться! — возмутилась она.

— Вы — врачи. В жизни будете сталкиваться и не с таким, — отбрил профессор. — Гранкина, обоснуйте.

Полина ступешалась. Двадцать пар глаз смотрели на неё. Не могла же она ошибиться? Артём пихнул в спину.

— Польша, жги.

И она вдохнула поглубже.

— В карте есть результат ФОГ — прикорневая перибронхиальная инфильтрация слева. Плюс подкожные узлы, зуд. На левой ноге повязка, брали биопсию?

Профессор молчал, Игнатова пыхтела. Полине придётся отдуваться самой.

— Но вот здесь вот, — Полина ткнула в медкарту, — педикулёз шесть месяцев назад, через месяц снова. И причина — участник волонтерского движения. Вы помогаете бомжам? Работаете в ночлежке?

Пациентка крикнула и разулыбалась, профессор шикнул на неё.

— Это всё? Доводы закончились?

— Нет. Последний довод — вы, Борис Феликсович.

Профессорские брови над маской взлетели вверх.

— Обычно вы маску сдвигаете на подбородок, а сегодня даже не потрогали.

От резкого смеха вздрогнули все. Пациентка хохотала.

— А вы далеко пойдёте. Даже этот умник не смог так быстро догадаться. Особенно про бездомных. Я в «Ночлежке» помогаю несколько лет. Как ваше имя?

— Полина Гранкина.

— Мой лучший интерн за все годы, — попытожил гордый профессор.

Если бы все дурные мысли могли материализоваться, то Полина сейчас лежала бы, истекая кровью. Глаза Игнатовой посылали ей не только молнии: из них сыпались гранитные блоки и чума. Проходя мимо Полины, она съязвила что-то про ум в работе и слепоту в любви, посоветовав присмотреться к Артёму и профессорской дочке. Варя торопливо отогнала бестолочь, выпрямив пышную грудь. Полина ничего этого не заметила, она тупила взор и глупо улыбалась, надеясь, что под маской не видно. Артём Исаковский прошептал ей, что она — умничка!

* * *

В 3.38 Полина проснулась. Апрель стоял тёплый, но ночью было холодно. Продрогшая ученица профессора Тихомирова в трусах доскакала до комода, натянула носки (оранжевый и синий) и любимое худи с Губкой Бобом. Полина нежно обняла себя за плечи, потёрлась щекой о вытертую розовую ткань и плюхнулась обратно в кровать. Однако уснуть не смогла: счастливо колотилось в груди сердце, живот поджимался, а ноги сами собой колотили о кровать. Сегодня — день икс! Сегодня случится то, о чём она мечтала десять лет.

Полина села. Щёки горели, а улыбка не сходила с лица. Надо было снизить уровень адреналина, не то сердце пробьёт грудную клетку. Полина хихикнула — конечно, такого не случится, сердечная мышца эластична. Но вот давление подняться может. Всё ещё улыбаясь, Полина встала посреди комнаты. Ноги на середине плеч, руки в стороны.

— И раз, и два, и три...

Полина приседала. Лучший способ сбросить напряжение — пустить его в спорт.

— И девять, и десять...

Спортивной Полину не назвать. Метр семьдесят два ростом, отнюдь не хрупкая, с эффектным третьим размером и мягким животиком. Нет, жир с боков не свисал, всё выглядело аккуратно и аппетитно. «Барышня-крестьянка», — говорил о ней папа. А мама добавляла: «Русская красавица». Впрочем, Полина считала, что до красавицы волосы не дотягивают — тонкие и невыразительные. И глаза серые. Но то, как на неё смотрели ореховые глаза Артёма, примиряло со всеми несправедливостями мира.

Вспомнив Артёма, Полина ускорила.

— Качай жопу! Качай! Сколько годиков, столько и приседаний. Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять всё!

Полина согрелась и юркнула под плед. Сон не шёл. Оно и понятно — счастье не даёт уснуть. Ну и чёрт с ним! Полина вытянулась в полный рост. Сегодня — день икс! Артём позовёт её замуж!

Полина зажмурилась и счастливо засмеялась в подушку, чтобы не разбудить родителей.

Тринадцать лет назад в соседнюю дверь целый день таскали громоздкие коробки, пакеты и мебель. Туда въехала новая семья. Мать — чиновница в администрации, отец — врач. Старушки у подъезда обсуждали её бордовую помаду и его новенький рено, а Полина не могла отвести глаз от красавца мальчишки с уложенным чубом. В офисном кресле на колёсиках он катался по быстро пустеющей газели: караулил вещи, пока родители и грузчики суетились вокруг.

Как и Полина, Артём был единственным ребёнком в семье. Но в отличие от неё, он часто оставался один: родители уходили рано, приходили поздно. Мальчишка практически поселился у Гранкиных. Сердобольная мама Полины, Наталья Дмитриевна, стала ставить ещё один прибор и готовить две дополнительные порции. Одной парень не наедался.

Полина не знала, когда именно влюбилась в Артёма. Скорее всего в день переезда. Но осознала только в девятом классе. Он прислал записку: «Вечером зайду, отложи котлет». Сердце девчонки дёрнулось, она сама к котлетам не притронулась, и родным запретила, чтобы Артёму досталось. Им было по шестнадцать — Исаковские истоиво спорили, куда отправить детей учиться, а добрейшие колобки Наталья Дмитриевна и Всеволод Михайлович давно поняли, что ненаглядная Полечка пойдёт туда, куда и Артём.

Над столом висел целый «иконостас»: фотографии, билеты, обёртки от конфет, театральные программки, открытки. Наляпано внахлёст. Дорогие сердцу воспоминания о днях вместе. Полина подтянула плед к подбородку и удобнее устроилась, чтобы рассматривать коллаж. Память услужливо подсунула картинки, как водили хороводы на концерте «Мельницы», прыгали на «Thirty Seconds to Mars». Эту шоколадку Артём подарил после выпускного в парке Горького, а в этот фантик в шутку завернул камушек в седьмом классе.

Полина не удержалась, подошла ближе. Пальцы со спиленными в ноль ногтями погладили мятый билет на трамвай, одного уголка нет. Три года назад они ездили в Коломенский музей пастилы, катались на трамвае. Этот счастливый билет кондукторша выудила из кармана. Сказала, что берегла для такой вот милой парочки. Кажется, она даже подмигнула. Артём не глядя передал билет Полине, а она так и не смогла его слопать. Уголок надкусила и спрятала. Что тогда загадала? Выйти замуж за Артёма, свою первую любовь. Полина плотнее завернулась в плед. Прямо на ступеньках вагона, почти выйдя из трамвая, Артём её поцеловал. Впервые. Первый поцелуй. Шум крови в ушах заглушил уличную какофонию, а его глаза стали для Полины всем. И вот, спустя три года, мечта сбудется.

Полина захихикала, не в силах сдержаться, и даже запрыгала тихонечко, но тут же замерла: из родительской спальни послышался скрип кроватных пружин. Рассвело, солнце лучами растолкало облака, но до будильника ещё целый час. Полина потянулась к телефону, всю переписку она знала наизусть. «Доброе утро, солнышко», «Люблю тебя, Польшка», «Ты офигенная». Полина снова улеглась в холодную постель. Скоро солнце раскочегарится, только прохладный ветер будет напоминать, что ещё апрель, не август. Но Полине было жарко от вчерашнего воспоминания. Она снова уткнулась в подушку и приложила ухо к стенке — спит?

Спальни Артёма и Полины разделяла стена. В седьмом классе они перестукивались, в девятом болтали через розетку, в одиннадцатом переписывались в чатах. А сегодня, сегодня она угадывала его мерное дыхание. Спит. Вот и прекрасно. Сегодня у них обоих важный день. Ведь вчера Артём купил обручальные кольца.

Полина торопилась: обеденный перерыв заканчивался. Ей пришлось забрать дипломные работы из копировального центра. Заодно выяснилось, что в тонере мало синего, поэтому кар-

тинки стали оранжевыми. И ладно бы это была её работа, но испорчена была работа Артёма. Пришлось ждать, пока переделают, а перерыв заканчивался.

Полина перепрыгнула кучку снега, спрятавшегося в тени бордюра, и пробежала несколько домов. Нужно только завернуть в арку и через двор выйти к забору больницы. Но замерла у витрины ювелирного магазина.

На пластиковом стенде сияли два восхитительных обручальных кольца. Чистые линии, белое золото, бриллиантовая крошка. Просто и со вкусом, к любому наряду. Пока Полина любовалась, продавщица холёной рукой сняла эти самые кольца с витрины и отнесла покупателю. В глубине магазина стоял Артём. Полина успела спрятаться и заметить его счастливую улыбку. Пришлось прикрыть рот, чтобы от счастья не расхохотаться на всю улицу. Он запомнил! Она несколько раз показывала ему эти кольца. Он запомнил! Идеальный... Полина погладила большим пальцем обложку его работы и вприпрыжку помчалась в больницу.

Кольца! Он купил кольца! От этой мысли Полина засучила ногами по постели — снова слышался скрип родительской кровати. Но это её уже не волновало. Сегодня будет восхитительный день! Полина окончательно вылезла из постели и пошла в душ.

Глава 2

Подоконник в конце коридора всегда пользовался популярностью: до розетки — метр, до туалетов — пять и достаточно широкий для посиделок. Сейчас его использовали, как стол и стул одновременно. Варя устроилась на нём, Полина стояла рядом, тыкая в кнопки ноутбука.

— «Фармакологические методы лечения заболеваний верхних дыхательных путей», — Полина пролистнула обложку Вариного диплома. — Я не понимаю, зачем тебе это?

— Не все такие умные, как ты. ОРВИ и ОРЗ — до двадцати процентов всех заболеваний.

— Но это сезонка.

— И что? Я не хочу каждый год с ноября по март мучиться: чем же их лечить? Выписала проверенные таблетки и — вуаля! Лучше, конечно, сразу антибиотик долбануть, чтобы наверняка.

— Ты всю микрофлору убьёшь и иммунитет подавишь!

— Ничего, бифидумбактерин и флуконазол выпишу, эхинацею с фруктиками — и порядок. И вообще, пусть закаляются, а то задолбали болеть.

Полина с Варей рассмеялись. Сторонний слушатель ужаснулся бы: молодой врач собирается его травить! Но Полина знала, что это ложь. Не раз и не два она заставляла Варечку за зубрёжкой и сравнительным анализом препаратов. А несколько раз вместе с нею бегала к пациентам домой, чтобы изменить назначение, если на uptodate.com выходила статья о соответствующем исследовании.

Полина поправила поля сравнительной таблицы и придвинула ближе заметки. Варя сидела рядом в столовой и листала аккуратно сшитую дипломную работу Артёма.

— Поля, я одного понять не могу: как ты такая умная не видишь, что Исаковский тебя использует! Да ты ему даже практику всю сделала. Только не говори про любовь, он тебя не ценит!

Полина зарделась.

— Ты его плохо знаешь. И вообще, тебе я делаю тоже.

— Мне только оформление. А ему даже обеды носишь.

Варя демонстративно заглянула в Полинин рюкзак. Там, завёрнутые в пакет лежали один на другом два пластиковых контейнера. Варя приоткрыла один из них.

— Котлетки домашние! Давай я тоже тебе глазки строить буду и мурчать сексуальным голосом? За такие котлетки я тебя не то что любить, обожать до конца жизни обещаю.

Полина открыла крышку контейнера полностью. Варя тут же схватила одну из котлеток пальцами и, засунув в рот, замычала.

— Бофе, как фе фкуфно, — простонала она. — Ифакофки дуфак.

Полина рассмеялась, упаковывая контейнер тщательнее.

— Он не дурак и не только «мурчит сексуальным голосом»... Он собирается сегодня сделать мне предложение.

Варя скептически подняла бровь, и Полина поспешила уточнить:

— Я видела, как он вчера кольца купил.

Варя быстро дожевала котлету. Ей потребовалось время, чтобы перестать мяться. Наконец очень осторожно она спросила:

— Поля, ты уверена, что он тебе собрался предложение делать? Ну, ходят слухи.

Полина счастливо рассмеялась.

— Я — медик. Я не верю слухам — только фактам и результатам анализов. А факты таковы: он тысячу раз говорил, что любит меня, встречаемся мы уже три года, пусть и не афишируем: счастье любит тишину. Кольца эти я ему несколько раз показывала: белое золото, небольшой бриллиантик — очень аккуратно. Запомнил и купил!

В счастливую Полину можно было стрелять из пушек неверия, сарказма и дурных предчувствий, она была непоколебима. Варя пожалела, что под рукой не было ещё одной котлеты: очень хотелось заткнуть рот чем-нибудь, чтобы не ляпнуть лишнего. Но котлеты не было, шоколадки тоже, поэтому Варвара не удержалась.

— Если б я купила кольца, то неслась бы к возлюбленной на всех парах, а он где?

Полина достала телефон.

— Не знаю. Весь день не пишет. Утром только прислал, что позже будет, и всё.

— Может, тебе на других посмотреть. Вон у нас сколько, — Варя театрально повела рукой и тут же слезла с подоконника. — Ой, здарсьте, Борис Феликсович.

Полина в испуге захлопнула ноутбук, развернулась с виноватой улыбкой. Профессор Тихомиров хмыкнул:

— Полиночка, вы же цвет молодой медицины. Вы отвечаете за жизнь доверенных вам пациентов, а вы с троечниками по подоконникам лазаете. Где ваше достоинство и белый халат, кстати?

Полина с Варей недоумённо переглянулись, обе были в халатах. Профессор растёкся ехидной улыбкой:

— Нашли? Так и несите эти латы здоровья с гордостью, а дипломные работы — в мой кабинет. Кстати, Исаковский предупредил, что его работа у вас. Давайте обе.

— Ну, я бы свою проверила ещё...

Профессор Тихомиров взглянул над очками своим особым взглядом снизу вверх, и Полина протянула обе переплетённые работы.

— Клинические методы диагностики муосомных болезней накопления при дебюте в подростковом возрасте, — восхищённо прочёл он на одной. — Исаковский всегда был амбициозным парнем. Далеко пойдёт, — мурлыкнул профессор.

Полина была готова поклясться, что низенький профессор любовно погладил переплёт работы Артёма. По Полининой он пробежался глазами и задумался. Обычно это предвещало ещё одно дежурство, подруги напряглись. На обложке переплёта значилось: «Клинические методы диагностики и лечения социально значимых заболеваний в группе риска от сорока до шестидесяти лет». Профессор выбил на обложке простенький мотив.

— Полиночка, вы же ещё никуда не распределены? Вот что, зайдите ко мне через часик, есть у меня для вас одно предложеньеце.

Девушки переглянулись. Полина хотела узнать подробности, но subtilный профессор уже шагал по коридору, счастливо мурлыча «тореодора».

— Блин, а про мою работу даже не спросил, — надулась пышка Варечка.

Полина обняла её:

— Радуйся, а то загоняет до защиты. И не забудь, ты — подружка невесты на свадьбе. Я хочу самый лучший тост!

Варя чмокнула подругу в щёку, и обе девушки заново склонились над ноутбуком. Осталось выправить меньше тридцати страниц.

К профессору Полина мчалась, чуть не сбив зазевавшихся пациентов. Увлелась правками и прозевала время. Теперь неслась, хватаясь за колонны на поворотах.

У профессорской двери отдышалась, расправила под халатом худи с Губкой Бобом. Этот кусок трикотажа Артём подарил ей на восемнадцатилетие. С тех пор худи остаётся любимейшей шмоткой. Плотная ткань, рисунок похож на резиновую наклейку, не бледнеет от стирок. И карманы, в которых удобно греть руки. Полина в очередной раз проверила телефон: её сообщения Артём прочёл, но сам не отвечал. Пальцы быстро набили: «Ты в порядке? Я у Тихомирова, что-нибудь узнать?» Нет, ничего. Наверное, хочет поговорить дома. Полина застегнула халат, пригладила волосы и постучала.

Появление Полины явно помешало профессору обнимать свою дочь Женю. Худенькая, красивая блондинка, она училась в МГУ на рекламе, и её знал весь курс: часто забегала к отцу. Женя чмокнула профессора в щёку.

— Ну ладно, всё, хватит. Беги, доча, у меня разговор. Полина, проходите. Знакомьтесь — Наталья Константиновна Вдовина, из министерства.

Напротив профессора восседала солидная дама с буклями и взглядом опытного оценщика ломбарда.

— Поздравляю, Женечка, замужество — это прекрасно, — проворковала она блондинке и вперилась в Полину.

Женечка на мгновенье задержалась, покрутив на пальце кольцо. Белое золото, камушек. Точно такое вчера купил Артём. Похоже, не только у него хороший вкус. Девушки понимающе обменялись улыбками: две счастливые женщины всегда узнают друг друга.

— А вы, значит, Полина Гранкина? — уточнила министерская дама.

Уголок её рта скривился при взгляде на рюкзак и торчащий розовый капюшон, но профессионализм взял вверх. Она протянула руку.

— Рада познакомиться. Такие кадры нам нужны. Борис Феликсович рекомендует вас как лучшую свою студентку.

— Интерна, — поправила Полина.

— Интерна, — согласно кивнула Вдовина.

Она дождалась, пока Полина устроится: рюкзак плюхнула на пол, телефон положила на колено — вдруг Артём напишет.

— Министерство предлагает вам участвовать в программе «Земский доктор». Работать в сельской местности в течение пяти лет. Единовременная выплата — миллион рублей, плюс зарплата.

Перед Полиной расположились буклеты с призывными фотографиями и радостными лицами. Полина обескуражено оглянулась на профессора. Он был занят: мурлыкал что-то под нос и обводил на календаре двадцать пятое мая. Но поймал взгляд Полины и быстро кивнул:

— Уникальный опыт. После этой работы, Полиночка, вас с руками оторвут. Я сам буду рад выбить вам место!

Наталья Константиновна благодарно ему кивнула, и профессор снова увлёкся календарём. Полина обескуражено ткнула в телефон — Артём ничего не написал. Что здесь происходит?

— Простите, я не понимаю? Сельская местность? Миллион?

— Всё верно! В рамках федеральной программы развития села. На первое время вам будет предоставлено жильё. Дом или квартира. Вы можете выбрать, в каком регионе работать. Я рекомендую Приокскую область. Свежий воздух, экология, натуральные продукты. О! Вижу, вы улыбаетесь — вы согласны?

Министерская дама с облегчением выдохнула, даже её голос стал мягким. Профессор тоже вскинул голову.

— Значит, дотации мы получим? Лабораторию обновим? — спросил он Наталью Константиновну. Та ждала ответа Полины.

Полина молчала. Маски на ней не было, и все могли видеть глупую и счастливую улыбку — Артём написал. Вечером хочет поговорить. Да! ДА! ДА-ДА-ДА-ДА-ДА! Она еле сдерживалась, чтобы не пуститься в пляс и не расцеловать даму из Минздрава. Сегодня! Поговорить! Артём! Кольцо! Надо срочно, немедленно, прямо сейчас домой! Надеть платье? Или, наоборот, сделать вид, что всё, как обычно, и быть в джинсах? Вопросительные взгляды «старших товарищей» вернули её на землю.

— Простите? Вы хотите, чтобы я поехала на пять лет в деревню?

— Не в деревню, нет. В сельское поселение. Или в рабочий посёлок, посёлок городского типа. Там очень прилично: пятиэтажные дома, центральное отопление, газ.

Полина окончательно оторвалась от телефона.

— Понимаю, предложение неожиданное, но решать надо быстро, — Наталья Константиновна продолжила вербовку. — Средства из бюджета выделены, желающих полно. Сейчас ещё можно выбрать, а потом только Урал и Сибирь. Плюс подъёмные. Плюс зарплата, опыт. Опять же жильё бесплатное. И через пять лет, как сказал Борис Феликсович, вы — редчайший специалист.

До Полины дошло — надо бежать. Судя по настойчивости министерской дамы, желающих возродить село нет. А судя по комментарию профессора, он лично заинтересован в вербовке: интерн в обмен на дотации для кафедры. С него станется. И к разговору с Артёмом надо подготовиться. Полина поднялась.

— Простите, пожалуйста, я не поеду. Предложение интересное...

— Так и знала, — перебила её Наталья Константиновна, — никакого патриотизма. Денег мало? Да миллион — это месячный бюджет больницы на двести койкомест! А в программе столько на человека выделяют, — заскрежетал отодвигаемый стул, дама поднялась. — Вот что, Борис Феликсович, пока дотаций не ждите.

Профессор подскочил.

— Полечка, это действительно редчайший опыт. Вы сейчас хороший диагност, а в полевых условиях станете звездой.

Полина замахала руками.

— Нет-нет, вы не поняли. Я не против деревни, я замуж выхожу. Я не могу бросить мужа сразу после загса.

Наталья Константиновна снова улыбнулась:

— Так если он врач, давайте и его в программу впишем. На два миллиона развернуться проще: машину возьмёте, хозяйство. Родителей к себе перевезёте.

Полина схватила рюкзак. Чем дальше слушала, тем больше склонялась согласиться. Если не ради свежего сельского воздуха, то хоть ради дотаций для кафедры. Спас телефон — она может опоздать к Артёму. Надо спешить.

— Простите, пожалуйста. Можно я пойду? Я позвоню, если что.

Полина сгребла буклеты.

— Конечно-конечно, ознакомьтесь. Родителям покажите, жениху. Вот моя визитка. До первого июня время есть. Если передумаете, звоните. Здесь есть мой мобильный.

Полина взяла картонный прямоугольник: бежать, пока не передумали. И выскочила из кабинета пулей.

Глава 3

Окна Полининой комнаты выходили во двор, поэтому она не видела того, что видел её папа. Всеволод Михайлович курил на балконе вторую сигарету за раз. Так он делал редко, в минуты крайнего волнения. Сейчас волнение зашкаливало, он раздавил сигарету о дно чугунной пепельницы и вытащил из пачки третью. Внизу, под балконом, Артём Исаковский, сосед и вечная безответная любовь единственной кровиночки Полюшки, целовался с юной нимфой. Наталья Дмитриевна ахнула.

— Ты ей сказал?

Всеволод Михайлович мотнул головой — нет.

— Чем она занята?

— Платья меряет. Даже утюг попросила. Да она сроду сама не гладила! Может, с ума сошла?

— Не с чего с ума сходить, она ж ещё ничего не знает.

Наталья Дмитриевна приобняла мужа.

— И что делать? Потеряем же её. Видел, что она из института притащила?

Всеволод Михайлович кинул взгляд на валяющиеся в комнате брошюры про «Земского доктора». Он сурово погладил жену по руке.

— Не поедет она туда. Ладно, зови.

Наталья Дмитриевна ахнула — зачем? Всеволод Михайлович пригладил сидящую голову.

— Узнаем, почему наряжается.

— По-о-оль! Полюшка! — тут же пронеслось по квартире и ближайшим улицам.

Внизу, у подъезда, Артём Исаковский оторвался от юной нимфы, засунул её в машину и, встряхнув чубом, взглянул наверх. Всеволод Михайлович предусмотрительно присел и теперь наблюдал действия Артёма через еле приметную щель. Наталья Дмитриевна каждый раз его шпыняла починить балкон, потому что в щель задувал снег. Но лишиться стратегического наблюдательного пункта Всеволод Михайлович не мог, потому ремонт балкона саботировал.

Полина предстала перед родительские очи в белом платье с бирюзовыми цветами по подолу. Ладная, крепкая. Складочки от мамулиных пирожков Полина замаскировала толстым бирюзовым ремнём, а грудь ничем не маскировала. Волосы распустила по плечам и сбрызнула водой — кудри завились сами. В общем, вместо пыток довольные родители принялись умиляться деточке.

— Смотри, отец, какая все-таки красotka у нас Полюшка! Глазки блестят! И талия! Гляди, гляди какая талия!

— Ты на ноги посмотри! Вот где ювелирная работа! В мою породу пошла.

— Ой, да ну тебя. «Порода», «порода». Вот уедет такая порода в деревню, и всё! Пропадёт.

— Какая деревня? — встрепенулась Полина.

Любовь родителей — это прекрасно. Но от них же совершенно ничего нельзя скрыть. Брошюры, которые в спешке кинула в мусорное ведро, лежали на журнальном столике. Отлично! Просто отлично! Теперь родители начнут причитать, это займёт у них часа три. А Полине надо спешить. Скоро придёт Артём. Пресекать родительские терзания надо на корню.

— Если вы про буклеты, то я никуда не еду. Мне от министерства предложили, но я отказалась, потому что выхожу замуж.

Родители ахнули.

— За кого? Когда?

Полина поправила причёску.

— За Артёма! Я вчера видела, как он кольца покупал, теперь эсэмэску прислал, что хочет поговорить. Так что извините, дорогие родители. Я вас люблю, но хватит мне быть Полиной Гранкиной. Буду Полина Исаковская!

Всеволод Михайлович взглянул на Наталью Дмитриевну. А Наталья Дмитриевна сделала круглые глаза Всеволоду Михайловичу. За долгие годы замужества они привыкли понимать друг друга без слов. «Итить» и ужас летали в воздухе... Но сказать супруги Гранкины ничего не успели, потому что в дверь позвонили. Два коротких, один длинный — старый детский код. Наталья Дмитриевна крепко сжала руку Всеволода Михайловича, тот охнул.

За дверью стоял Артём Исаковский собственной персоной. Сердце колотилось так, что могло заглушить ударные на рок-концерте. «Сдерживайся, не лыбься, как полоумная», — Полина повторяла про себя мантру, усилием воли удерживая рот от идиотской улыбки. Губы сами ползли к ушам, щёки пылали. Чтобы сдержаться, Полина сцепила руки за спиной. Это всегда помогало — спина выпрямлялась, мысли переставали скакать, выстраивались в ряд. Ладони вспотели, пришлось тайком вытереть их о платье.

«Не лыбься!» — напомнила себе Полина и ущипнула себя за попу. Нужно будет расплатиться, как в детстве, когда Артём запулил в неё леденцом. Он ожидал, что она поймает, но Полина не распознала манёвр. Впрочем, сейчас тоже.

Артём очаровательно улыбнулся, взял её за обе руки.

— Ты — отличный друг, Полька. Да без тебя я бы и школу не закончил, а теперь из интернатуры выпускаюсь! Ты всегда меня выручала. С самого первого дня, как мы сюда переехали. А тётя Наташа с дядь Севоём вообще, считай, меня вырастили. Поэтому я подумал. Больше реально некого. Короче, вот.

Артём протянул ей чёрный футляр с двумя кольцами. ДА! ДАДАДАДА! О, да-а-а-а! Внутренняя Полина танцевала танец бешеных бизонов, неприлично гоготала, дрыгала ногами и вела себя крайне вызывающе, танцуя канкан в своей голове. Наружу просочился звонкий вскрик и улыбка радости. Артём выдохнул.

— Думал, будет сложнее. Здорово, что ты согласна. Вроде как шафер — всегда мужчина, друг жениха. А я просто не знаю, кто кроме тебя может стать моим свидетелем! Ты ж единственная всегда рядом. Вот. Кольца отдашь во время свадебной церемонии. Еще потренируешься на репетиции. А это — пригласительные, — он всучил бордовый конверт и крикнул в приоткрытую дверь. — Тётя Наташ! Дядь Сева! Вы тоже приглашены!

Артём крепко обнял Полину, дружески постучав по плечу. Ни он, никто другой не слышали, как внутри Полины оборвались танцы, лопнули струны, канкан застыл, а солнце заволокло тучами. Оставались небольшие проталины, чрез которые лились лучи надежды.

— Кем мне надо быть?

— Свидетелем, кем же еще! Ну, шафер мне больше нравится, но Женька настаивает на «свидетелях» ... преступления...

Артём засмеялся слишком громко для вечернего подъезда, слишком нервно. Эхо его смеха вонзилось в Полины перепонки.

— Какой Женька? — Полина слышала свой голос отдельно от себя. Он скрипел.

— Какая!

Артём с готовностью вынул из кармана мобильный и принялся листать фотографии. Перед Полиной на маленьком прямоугольничке улыбалась, кривлялась, показывала сердечки и посылала поцелуйчики дочь профессора Тихомирова, хрупкая девочка Женечка. Та самая, с симпатичным помолвочным кольцом, которая выходила из кабинета отца сегодня.

— Но я... Я думала, мы... Что с нами?

Полина привычно дотронулась до Артёмовой чёлки, он отстранился. Луч надежды погас. Артём улыбнулся своей очаровательной улыбкой.

— Полиш, я тебя обожаю! Ты — мой лучший друг. Я хочу, чтоб так до конца жизни и оставалось.

Лицо Полины позеленело. На нём разом отразились и непонимание, осознание, ярость. Артём покраснел от смущения и неловкости.

— А, ты про это... Ну, я же женюсь. Давай не будем портить сексом хорошую дружбу? У нас вряд ли что-то серьёзное получилось бы. Забыли, да?

У Артёма зазвонил телефон. На экране грудью в камеру появилась «Женечка», Артём расцвёл. Он схватил Полину за плечи и посмотрел ей в глаза.

— Мы же договорились? Да? Соглашайся, Полька, я без тебя пропаду. Будешь моим шафером?

Тело задеревенело. Полине казалось, что она слышала скрип несмазанных шестерёнок, когда уронила голову вниз и еле-еле подняла вверх — кивнула. Артём кратко прижал её к себе и уже открывал ключом свою квартиру, мурлыкая в телефон.

— Да, любимая. Уже поговорил. Конечно согласилась, это ж Полька. Точно те говорю, ничего у нас не было. Мир, дружба, жвачка!

Дверь за Артёмом закрылась. Внизу запищал домофон, хлопнула тяжёлая входная дверь. Шаркающими шагами забралась на свой этаж соседка. За окном громынуло, ветром хлопнуло открытую форточку. Следом ливанул дождь. Майская гроза в апреле. Полина так и стояла у собственной двери, сжимая красный конверт пригласительного. Внутри на бежевой картонке золотое тиснение гласило: «Артём Исаковский и Евгения Тихомирова счастливы пригласить Вас на бракосочетание 25 мая». Последние солнечные лучи внутри Полины погасли.

Время для Полины остановилось. Она не слышала стука собственного сердца, не чувствовала запахов скошенной дворниками первой травы или жужжания майских жуков. Иногда появлялись родители. Мама кормила с ложечки, а папа усаживал в машину, довозя до знаменитого памятника Пирогову: лучшая студентка интернатуры не должна пропускать. Порой в её поле зрения влетала рыжая шевелюра Вари. Она обнимала подругу, щебетала и ругала кого-то. Полина плохо разбирала слова. Отчётливо в её голове громыхали только: «Да, любимая!», «Ничего у нас не было», «Давай не будем портить сексом хорошую дружбу».

В какой-то из дней Полина оказалась в кабинете, набитом врачами, на экране были слайды её дипломной работы. Она что-то говорила. Затем — мама заставила вытянуть руки, осторожно надела нарядное платье и даже вручила коробку с бантом — подарок молодожёнам. На свадьбе было множество лиц. Фокус наводился лишь на жениха с невестой. Кажется, Полина произносила речь. Кажется, все смеялись. А ночью она лежала в своей постели, зажимая рот. А из соседней квартиры в стенку равномерно стучало изголовье Его кровати. Беруши и натянутая на голову подушка не спасали.

К четырём утра за стенкой стихло. Босые ноги прошлёпали по полу в родительскую спальню. Руки с коротко остриженными ногтями сгребли с комода брошюры о поддержке села. Визитка спланировала под стол. Полина её подняла и вышла. Проснувшиеся родители переглянулись.

— Сева, она уедет. Сев, что делать? Сева?

Всеволод Михайлович водрузил на нос очки и погладил жену по руке.

— Деньги, тёплые вещи, связь.

Наталья Дмитриевна кивнула и вытащила из старой кассеты VHS пачку пятитысячных.

— Я приготовила. Хватит?

Всеволод Михайлович кивнул и деловито достал из-под матраса мачете и пугач. Он тоже готовился.

Стрелки часов двигались чрезвычайно медленно. Еле выждав приличных восьми часов, пальцы нажали «Позвонить». Голос министерской дамы предвещал расстрел. Восемь слов Полины изменили его на елей.

— Я согласна на программу поддержки села. Когда выезжать?

Бывают такие решения, от которых отчётливо слышен сдвиг тектонических плит судьбы. Это был один из таких моментов. Материки врезались друг в друга и заглушили лавоточащий вулкан Исаковский. Пять лет Полина о нём не услышит. Пять лет и миллион рублей. Решено. В деревню! Далеко!

Глава 4

Добираться нужно было из районного центра. На небольшой площади сосредоточилась вся жизнь: ресторан с колоннами, рюмочная, садоводческий магазин, инструменты, один супермаркет с продуктами и второй, с бытовой техникой. К трём банкоматам выстроилась очередь из людей, другая, из собак, валялась в тени напротив мясных ларьков. Продавщица перекладывала заветренное мясо, покупателей это не отпугивало: тушу разделявали тут же. Таксисты стояли у машин, лениво обсуждая речь президента. Пешеходы переходили дорогу где попало. Машины двигались медленно, пропуская каждого. Стрелки часов на небольшой башенке торгового центра еле двигались. Здесь даже время шло медленнее, чем в Москве.

Полина с двумя огромными чемоданами и рюкзаком остановилась под табличкой «Остановка автобуса». Тут же в тени стояли почерневшие, засиженные лавки. Расписания нигде не было. На лавках ожидали пассажиры. Женщины суетливо громыхали банками из-под молока, тайком считали мелкие купюры. Мужчины рассматривали инструменты и цедили пиво. Мать затыкала ребёнка конфеткой. Чуть отдельно от всех восседала дама с королевской осанкой.

— Простите, а до Верхней Воляни как доехать?

Дама поджала губы.

— С таким багажом вам лучше на такси: не влезете.

Дама демонстративно отвернулась — разговор закончен. Полина растерялась. Внезапная агрессия была необоснованной. Впрочем, психи бывают везде — этому Полина научилась в поликлинике. Она тут же улыбнулась другой старушке.

— Сто сорок пятый тебе нужен, скоро придёт. Но ты, может, правда, на такси? Если поедешь, меня захвати, у меня банки тяжёлые, побью.

Полина не успела ничего ответить, вальяжно подплыли четверо мужчин.

— Девушка, куда едем?

— Такси надо?

— Глянь, какие «чумаданы». Банк грабанула?

— Вы его не слушайте. В его машину не влезет, у меня багажник больше.

— На Волянь ей надо, — подсутилась старушка с банками.

— У, нет, я себе не враг, машина дороже, — сразу отвалился один.

— Поехали, — ответил тот, что с большим багажником. — Рупь.

Полина замешкалась, таксист уточнил.

— Там дорога — говно. Без подвески остаться — нефиг делать. Меньше чем за тыщу никто не поедет. Ну что? Девушка, решайте.

Старушка с банками поглядывала на Полину, как и остальные: ждала ответа. Полина вытерла вспотевшие ладони о джинсы, она не ожидала стать героиней дурацкого сериала. На мгновение прикрыла глаза. Вот чёрт, неужели тут настолько скучно, что простой разговор на остановке — развлечение? И в этом придётся жить? С этими?

Рядом притормозил гелендваген с крупными трещинами по лобовому стеклу. Таксисты надулись и раздвинулись.

— Проблемы? Подвезти?

Мужчина за рулём выглядел внушительно и страшно. Круглая голова, большие ладони, переломанный в двух местах, сплюснутый нос. Он больше походил на медведя, чем на человека.

— Простите, — Полина с чемоданами попятилась назад.

А вот старушка с банками лихо запрыгнула на переднее сиденье, устроив скарб в ногах и на коленях.

— Константин Валерьич, как хорошо, что вы тут. Я с вами. Поехали? А то сериал начнётся про вампиров. Вы не смотрите?

Мужчина призывно посмотрел на Полину, та поспешила мотнуть головой и отвести взгляд. Большеголовый высмотрел даму с королевской осанкой.

— Лидия Кирилловна, ну что же вы? Садитесь.

Дама даже не обернулась, выпрямилась и демонстративно прошла мимо. Позади гелендвагена остановилась маршрутка — битая газелька с проржавленными подножками. На лобовом стекле на скотче висела бумажка «145». То что надо. Полина подхватила чемоданы. Круглоголовый водитель гелендвагена хмыкнул и увёз старушку с банками за поворот.

Под голубым небом среди зелёных полей по дороге качалась маршрутка. Окна были открыты, и ругань разносилась по окрестным деревням. «Да что это такое?!», «Такси надо брать с такими баулами!», «Совсем мозгов нет!», «Мне на следующей выходить, двиньтесь!»! Пассажиры чуть не плевались в Полину, чьи чемоданы заняли проход и на поворотах наезжали на ноги. Королевская женщина стоически смотрела в окно и молчала. Губы она сжала в плотную полоску. Лишь однажды презрительно выдавила: «Молодёжь», и все смолкли, ожидая продолжения. Даже водитель цокнул языком: «Вы, девушка, погорячились».

Полина это поняла и сама. От тысячи рублей за такси её нервы были бы целее. Пожалуй, не стоило отказываться. Или даже с тем бандитом на гелендвагене поехать.

Около мятой жестяной остановки маршрутка затормозила. «Выпустите», — раздалось со всех сторон. Водитель сам открыл дверь и рывками выволок Полинины чемоданы. Пассажиров прорвало наружу. Дама с королевской осанкой обвинительно помотала головой, и Полина покраснела от стыда и вины. Да откуда ей было знать, что это такое популярное направление? И что маршрутка ходит всего три раза в день? И что столько народу набьётся? Московская врач-терапевт привыкла к метро. Если поезд ушёл, через две минуты будет другой.

Два дедка, молодая мамаша с трёхлетней, турист с рюкзаками и металлоискателем и пяток женщин с тележками шустро разбежались по узким улочкам к деревенским домам. Полина огляделась. Небольшая площадь: остановка, мусорные баки, супермаркет. За высокими елями — памятник погибшим воинам с венками искусственных цветов, а за ним — одноэтажный домик с табличками. Рядом на железном столбе торчал таксофон. Полина покатила чемоданы к нему. Относительно безболезненно заволокла оба чемодана по пандусу для инвалидов. У двери красовались таблички: «Администрация сельского поселения Верхняя Волянь». Вторая — «Фельдшерско-акушерский пункт» и время работы — была замазана жёлтой масляной краской. Полина вошла внутрь.

Вероника Николаевна, глава сельского поселения, сразу запричитала:

— Ой, так быстро. А мне только сегодня позвонили, сказали. Давайте документы. Паспорт, направление. Я копии сниму. Понимаете, с жильём проблемы. Нет, дом-то есть. От старой фельдшерицы остался. Но в нём лет десять никто не живёт. Там крышу чинить надо, печь. А печник у нас умер года три как. Септик рыть. Вы пока у Мирохиной поживёте, я договорилась.

Всё это Валентина Николаевна говорила скороговоркой, пока снимала копии на новом копире.

— Хорошая у вас техника, — сделала комплимент Полина.

— Да, — Вероника Николаевна стушевалась, — Константин Валерьич подарил в прошлом году. А то мы всё мучились. Понимаете, он у нас директор фермы молочной. Так, а я не знаю, может, какие ещё документы нужны. Подождите, я щас. Чемоданы у вас большие. На такси приехали?

Вероника Николаевна, солидная женщина лет пятидесяти, надела очки и заковырялась в телефонной записной книжке, но ответа Полины ждала с любопытством

— Нет, — созналась Полина, — на маршрутке.

— Неужели пустая была? Ой, дозвонилась. Здравсьте! Это Ртищева, из Верхней Воляни, ага.

И Вероника Николаевна погрузилась в выяснение бюрократических вопросов. А Полина скинула рюкзак. На стене у двери висела карта Приокской области. Сельское поселение Верхняя Волянь относилось к районному городку Рыбинску. Красным фломастером по линейке кто-то обвёл границы: восемь деревень (Верхняя Волянь, Аблово, Подлужье, Бугры, Зубовка, Евпатьево, Сливково, Кобылье), молочная ферма с обширными полями, коттеджный посёлок «Белые Росы» и гостиничный комплекс «Царская охота» с конюшней и соколами.

Внизу врезка: население — 513 человек, площадь — 117 квадратных километров. Сто семнадцать! Полина осела на стул. А как же ездить? Как добираться? Перед отъездом мама усадила её за телевизор смотреть советские фильмы про деревню: туалет на улице, вода в колодце, участковый Анискин, почтальон Печкин, велосипеды, мотоциклы с люльками, бани, дрова, уголь, ад. Полина в ужасе обзревала карту: овраги, два пруда, озеро, три речки, родник, ферма, охота, опытные поля. Утопления, отравления, заражения, порезы, ожоги, огнестрел, гельминты, клещи, столбняк и... бешенство?

— Дикие животные у вас есть?

Но Вероника Николаевна не слышала, она приросла к телефонной трубке.

— Миллион? Какой миллион? Мне ямочный ремонт не на что делать. Водителя сократили. Да? Поняла, скажу ей. Спасибо.

Вероника Николаевна нажала «Отбой» на своём кнопочном телефоне, подула в вырез кофты и улыбнулась Полине.

— Жарко. Понимаете, кондиционер повесили, но что-то он плохо работает. Готовы? Пойдёмте, я вас с Мирохиной познакомлю. Документы, мне сказали, пока все. Если что-то понадобится, вы же тут теперь — сделаем.

Глава сельского поселения подхватила один из чемоданов, но тут же вернулась к столу, перевернула скрепочницу.

— Ой, ключ же. Сейчас.

Она выудила желтый ключ с биркой из клеёнки и торжественно вручила его Полине.

— Вот, от фельдшерской. Вы же у нас теперь заместо старой фельдшерницы.

— Я врач-терапевт, но хирургию и акушерское дело знаю. Беременных много у вас?

— Трое или четверо. Но они городские, рожать там будут.

— Все равно, лучше им сказать, что врач тут.

Вероника Николаевна выволокла один из чемоданов в коридор и тщательно закрыла дверь на ключ и амбарный замок.

— Да, не беспокойтесь. Понимаете, у нас фельдшера лет десять нет, может, больше. Все привыкли на своих машинах в город мотаться.

Полина не успела ничего сказать, глава администрации остановилась у соседней двери, стёрла пыль с красной стеклянной таблички.

— Вот! Это теперь ваше. Медкабинет, фельдшерско-акушерский. Ну что вы? Открывайте. Ключ я вам дала.

Полина покрутила ключ. Желобки забились чёрной грязью: его давно не использовали. Как и саму дверь. В скважину ключ вошёл легко, провернулся, но дверь не открылась. Вероника Николаевна помогла выбить её плечом.

— Рассохлась, — пояснила она и распахнула перед Полиной мир, полный пыли и старых медицинских карт.

Две комнаты будто остались в безвременье: гинекологическое кресло, пеленальный стол, клеёчатая кушетка, железный крюк для капельницы, крашенный стол, стул на железном остоле, стеклянный шкаф, инструментальный стол, автоклав, раковина и железный стеллаж с ящи-

ками. Полина наугад вытащила из ящика медкарту — Сашевич Раиса Мусаевна. Пальцы от пыли сделались серыми.

— А здесь что? — Полина ткнула в стеклянный шкаф.

— Мы ничего не трогали. Как фельдшерница умерла, заперли. А ключ я никому не давала.

Шкаф оказался не заперт. В жестяной коробке лежали шприцы и скальпель. Ампулы кофеина, пенициллина, морфина, фентанила, упаковка промедола, таблетки нитроглицерина, банки с глюкозой, аминокислотой, трисолью. Такие препараты и без присмотра?! Полина резко обернулась.

— Это единственный ключ?

— Да. У старой фельдшерницы тоже был, но кто его теперь найдёт.

— Хорошо, — оборвала Полина и огляделась. — А холодильника нет?

Вероника Николаевна замялась.

— Старый мы забрали в комнату отдыха. Понимаете? Чтоб домой не бегать. Но в прошлом году он сломался.

Полина не пыталась слушать, она искала замок для шкафа. Вообще-то должен быть сейф, но здесь на него нечего рассчитывать. Замка нигде не было. Судя по всему, глава администрации не врал: сюда действительно никто не заглядывал несколько лет. Иначе как такие препараты могли остаться не тронутыми? Хотя... Полина быстро осмотрела ампулы, упаковку промедола. Срок годности истёк, упаковки не вскрыты. Полина вытерла ладони о джинсы.

— Есть кто-нибудь, кто сможет сюда замок вставить?

— А зачем? — удивилась Вероника Николаевна. — Вот же ушки, навесной можно. Про холодильник я даже не знаю... Оформлю заявку. Но... Не знаю. Понимаете, на ямочный ремонт два года выделить не могут.

— Ладно, попробую решить сама.

Полина вставила в ушки найденный обломок карандаша и с улыбкой решительно выпроводила главу администрации из помещения. Она тщательно заперла дверь, ключ положила в карман. Теперь это будет её вторым домом.

Полина крутила головой будто в Диснейленде. Верхняя Волынь имела мало общего с советскими фильмами. На каждом втором доме красовались тарелки-антенны, каждый третий закрывал забор из профлиста. Во дворах и на улицах торчали автомобили, в основном нивышевроле и иномарки. Однотипные жёлтые газовые трубы подходили к домам. Тут и сям слышался стрёкот триммеров. Эти Полина узнала сразу, такие есть у любого московского дворника. Резкая вонь заставила остановиться.

— Это что такое? — заорала глава администрации.

Она волокла один из чемоданов Полины, и теперь вместе с нею затыкала нос.

— Септик откачать надо.

За забором из сетки-рабицы торчал озадаченный мужик. Он держал зелёный люк септика и с ужасом глядел в яму.

— Эй, домашние! В доме больше не срём! Ходим в сортир! Ясно? — громко возвестил он.

— Ясно, Алексей Максимыч, — загоготал сосед в красной панаме, — тебе телефон бочки дать или есть?

Вероника Николаевна убедилась, что всё в порядке, и пошла дальше. Полина посеменила следом, изредка подтягивая запнувшийся чемодан. По обе стороны встали одинаковые домики на две семьи.

— Это колхозные. В восьмидесятых строили. Тогда Лидия Кирилловна директором колхоза была, на весь район славились. Понимаете, колхоз три водонапорные башни поставил, школу построил. Тысяча шестьсот человек жила, почта была.

У детской площадки с качелями и спортивными тренажёрами детвора бросила велики, жадно пила из колонки.

— Не мусорим здесь! — дежурно крикнула глава администрации.

Дети в ответ завозмущались:

— Чо сразу мы-то? Мы вообще на речке были!

— Федька, матери скажи, что налог на землю не плачен!

— У нас льготы! — высунулся вихрастый пацан.

— Со льготами не плачен! Пусть зайдёт, посчитаем, — припечатала Валентина Николаевна.

Полина успела заметить, как Федька достал пластиковую бутылку и, разбежавшись, пнул её прямо в стойку футбольных ворот. Свернули вправо, на гравийку. Здесь одинаковые домики исчезли. Зато появился трактор, второй трактор, вишнёвая девятка, ещё две машины.

— Тут Витька Онучин живёт. Он тракторист, с руками. Его иногда просят что-то починить. У него, кстати, и замок попросить можно. Вдруг есть.

На Полину полетели капли.

— Ой, Вероник Николавна, не заметил, богатой будешь. Собралась куда-то? С чемоданом.

Через забор маячил мужичок в жилетке с карманами. Из шланга он поливал цветы за забором.

— Привет, Гарик! — отозвалась глава. — Чего это ты тут, не у себя?

— Помогаю!

Он явно ждал продолжения разговора, с любопытством разглядывая Полину. Наконец не выдержал.

— Кого ведёшь? Что за арестантка симпатичная?

— Типун тебе, — махнула запыхавшаяся глава. Она остановилась передохнуть, огромный чемодан Полины по гравийке приходилось тащить на себе. — Это фельдшерица новая.

— Врач-терапевт, — поправила Полина и поспешила представиться. — Полина Всеволодовна Гранкина.

— О, врач. Это вы у нас на медпункте будете?

— Да.

— Я завтра зайду. У меня уайт-спирит есть. Краску с таблички стереть надо.

— А, — согласилась Вероника Николаевна, — я и забыла, что закрасили. Ты только осторожней, важное не сотри.

Гарик махнул рукой, переключил режим полива, а Полина с главой администрации подхватили чемоданы, пошли дальше. Буквально через пару шагов гравийка кончилась, катить стало легче, но раздался крик.

— Марья! Козу убери! Марья! Твоя коза дерёт здесь всё!

Посреди пустыря, среди травы и бурьяна, торчала сухая старуха. Одетая она была в красный халат, с зелёным платком на голове. Рядом крутилась крупная коза с тремя козлятами. От дома тракториста к ним бежала дородная баба.

— Да что вы орёте, что орёте, Раиса Мусаевна! Чем вам коза помешала? Вы этим пустырём и не пользуетесь вовсе.

— Убирай козу, это моя земля, за мной числится.

— Да как за вами-то, когда мой отец всю жизнь здесь траву косил?!

— Дольская, опять премираешься?

— Я не Дольская уже двадцать три года!

— Схватились, — устало пояснила Вероника Николаевна. — Каждый год одно и то же. Марья! — гаркнула она. — Опять козу плохо привязала?

— О, привет, Вероник Николаевна! Да нормально привязала. Дашка колья выдёргивает. Свободу любит. Дашка! Куда пошла?

Коза кратко мекнула и скакнула в траву.

— Марья! — тут же залилась старуха в платке.

— Да вижу я! Хватит! Сами пустырём не пользуетесь и другим не даёте! Что случится, если коза траву пощиплет, а? Что вам, бурьяна жалко?

— Марья, ты как со старшими разговариваешь?

— А как с вами ещё разговаривать? Как собака на сене: ни себе, ни людям. Вы хоть косить начните, чтоб бобыли согнать.

— Был бы жив Санечка, — пригрозила старуха.

— Помер Санька. Скоро лет тридцать, как помер. Хватит уже его вспоминать. С бурьяном сделайте что-нибудь.

— Мая! Ушу кери! — каркнула старуха и покачнулась.

— Наклюкалась своей вишнёвки, — вздохнула Вероника Николаевна и пошагала дальше.

Но не услышала следом шума второго чемодана.

Не удивительно — он торчал посреди улицы, а хозяйка, врач-терапевт Полина Гранкина, неслась по узкой тропке прямо к старухе в красном халате. Дородная Марья поймала козу Дашку. Козлята мельтешили рядом.

Первым делом Полина усадила старуху на землю.

— Всё в порядке, я — врач, буду у вас в медпункте работать. Как вас зовут?

— Иша Евич, — пробормотала старуха.

— Раиса Мусаевна Сашевич она, — уточнила Марья. — А вы и правда у нас работать будете?

— Да, — и снова обратилась к старухе. — Раиса Мусаевна, голова сильно болит? Не говорите — кивните.

Сашевич кивнула. Марья закатила глаза.

— Да нажралась с утра. Козы мои ей мешают.

Полина не слушала, она уже вытащила из рюкзака тонометр с фонендоскопом и надела манжету на худенькую ручку. Марья внимательно наблюдала за действиями. Даже Валентина Николаевна подошла ближе, поминутно оглядываясь на дорогу. Яркие большие чемоданы торчали бельмом.

— Сколько у вас обычно? Сто тридцать на девяносто?

Сашевич мотнула головой.

— Пониженное? Сто на семьдесят, да?

Сашевич кивнула и покачнулась. Полина заставила её лечь.

— Ложитесь. Прямо на траву. У вас сто семьдесят на сто. Предынсульное. Что-нибудь от давления пьёте?

— Как предынсульное? — удивилась Марья. Валентина Николаевна пожала плечами.

— А так, — объяснила врач, — жара, возраст, нервы. Нечего со стариками ругаться. Дома есть таблетки от давления? — повторила Полина Сашевич.

Та еле кивнула.

— Чёрт. Надо её в тень перенести. И таблетки.

— Эти пойдут?

Вероника Николаевна достала из кармана капотен и нитроспрей.

— Ого, какие богатства! Спасибо!

Глава сельского поселения смутилась.

— Ну, это Никита Юрьич поспособствовал. Он на скорой у нас.

Полина впрыснула нитроспрей в рот Сашевич.

— Нитроспрей расширяет сосуды, должно полегчать, — объяснила она больной.

— Ладно, давайте помогу, — крупная Марья приподняла Сашевич за плечи.

Полина кивнула, подхватив ноги. Глава администрации с трудом вскинула на плечо рюкзак, подняла тонометр.

Сашевич уложили в кровать с холодным компрессом на голову. Полина дала капотен и каждые десять минут проверяла давление. В перерывах привычно «тупила» в телефон — а что ещё делать? Но чем лучше себя чувствовала пациентка, тем более неловко становилось. Москвичка убрала телефон, прошла по дому.

Низкие потолки, новенькие свежеекрашенные полы с вязаными кругами у кроватей.

— Это Санечкина, — через вздохи пояснила Сашевич.

Пышные подушки стояли на второй кровати горой, от неё по периметру расходились тонко вязанные волны кружевной скатерти. Полотно было огромным, на салфетку походило мало. В кухне вся стена была увешана фотографиями в рамках. Сашевич видела их с кровати.

— Это Са-неч-ка, — уточнила старуха, когда Полина наклонилась рассмотреть одну из них.

Санечка угадывался на всех: задорный, улыбчивый парень, жилистый и лихой. Совершенно юный. Вот он маленький, вот в цирке с обезьянкой, вот в школе вместе с остальным классом. Сын Сашевич выделялся тёмными миндалевидными глазам и копной чёрных волос — красивый восточный мальчишка. На одной из фотографий он был в военной форме: глаза уставшие, с паутинкой морщин, и улыбка поблёкла.

— В армии, последняя.

Сашевич почти шептала, Полина замерила давление.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, не то снова подскочит.

В этот раз она осталась рядом, рассмотрела пациентку лучше: выцветшие глаза, поникший рот, седые волосы выбивались из-под платка. Наверное, раньше она была красавицей, сын пошёл в неё.

Марья почти сразу куда-то ушла, появилась с банкой варенья.

— Черноплодка, — пригвоздила она и ушла окончательно.

Вероника Николаевна суетилась, бегая между Полиной, чемоданами и администрацией: работу никто не отменял. Наконец Сашевич стало легче.

— Спасибо, — она попыталась встать.

— Вы в туалет хотите?

— Нет. У меня там наливка, вишнёвая, возьмите. Благодарность.

— Не надо, лежите. Еще полчаса лежите. И таблетки с собою носите, раз такое случается. Я вам аспирин для разжижения выпишу. Принимать утром. Ясно? И ещё анализы надо, холестерин проверить. Если аспирин не подойдёт — проверим, другие подберём.

Сашевич кивнула, и Полина вернулась к чемоданам.

Марья Онучина убрала их во двор. Полина застряла у калитки, не зная, что предпринять. Замка не было, стучать в деревянные доски глупо: из дома не слышно. Но как войти? Полина вспомнила советские фильмы.

— Хозяйка? — голос дрожал, получилось тихо. — Хозяйка? Мария? Ау! — крикнула она громче.

«Боже, какой хабалистый кошмар», — пронеслось в голове. Но подействовало — Марья вынырнула из палисада.

— Чего орёшь? Я лилии подкармливаю, — Марья цепко оглядела Полину, кивнула. — Вон твои чемоданы, забирай.

Полина толкала, дергала, калитка не поддавалась.

— За цепочку дёрни, — сказала Марья, внимательно следя за каждым действием.

Коза с козлятами спала под навесом. Она ломанулась в калитку, как только Полине удалось её открыть. Марья сдёрнула зелёную перчатку в цветочек и метко швырнула в козу. Та мекнула, ругаясь, но вернулась под навес.

— Нагулялась, — констатировала Марья. — Как Сашевич?

— Стабильно. Спасибо за черноплодку. Я забыла про неё.

— Привыкай. Здесь в основном натурпродуктом лечатся. Все аптеки в городе, не наездишься.

Полина кивнула и крепче ухватилась за чемоданы. Марья помогла выволочь.

— Если Мирохина донимать будет, приходи. Я за комнату немного возьму.

Новоявленный врач не знала, что ответить и куда идти. Она нелепо кивнула и направилась куда-то, куда прежде её вела Ртищева.

— Полина Всеволодовна?! Пойдите, — глава администрации бежала от дороги. — Марья, спасибо. Выручила, — запыхалась она.

— Спасибо в карман не положишь. Но сегодня, так и быть, прощаю, — хохотнула дородная баба. — Я, Вероника Николаевна, её предупредила, пусть ко мне жить идёт. Дешевле Мирохиной возьму.

— Ой, иди ты. Ей подъёмные на ремонт понадобятся, стройку. Да и когда они вообще придут. Не знаешь что ли, как всё устроено? — Вероника Николаевна спешила уйти. Но Марья не замолкала:

— Я-то как раз знаю. И ты знаешь. Врач на деревне никогда голодать не будет. Эта-то точно. Как вас?

— Полина Всеволодовна.

Вероника Николаевна махнула рукой и, подхватив лаймовый чемодан, направилась напрямик к старому дому из красного кирпича. Подоспевшей Полине пояснила:

— Понимаете, Марья — баба толковая, только деньги любит, за всё дерёт. А поругаться для неё — развлечение, вместо телевизора.

Дому Лидии Кирилловны Мирохиной на вид было лет сто. Выбеленные известью кирпичные наличники резко контрастировали с красно-коричневым фасадом. Огромный куст элетерококка перекрывал вход. Калитка и весь забор палисада аккуратно выкрашены зелёной краской. А сам палисадник пестрел георгинами, астрами, циниями, разноцветными хостами и календулой. Клумбы были аккуратно огорожены, длинные цветы подвязаны. На каменной дорожке к дому не было ни соринки. Полина подобралась: похоже, эта Лидия Кирилловна — генерал в юбке. Полина была уверена, что на её участке даже муравьи устраивают свои муравейники в строго отведённых местах.

— Всё в порядке, она не кусается, не бойтесь!

Если Ртищева хотела успокоить врача, то вышло хуже. Перед дверью Вероника Николаевна остановилась, подула в вырез, поправила волосы и одежду. Кажется, она волновалась. Теперь Полина уверилась, что жить она будет у дьявола. Марья Онучина отговаривала, глава сельского поселения нервничает. Эта Мирохина — опасная женщина. Дверь распахнулась до того, как Вероника Николаевна в неё постучала, будто их ждали. Тёмная женщина в тёмном предбаннике развернулась в дом.

— Заходите, нечего топтаться.

Полина заметила, как Вероника Николаевна тайком перекрестилась и затараторила.

— Лидия Кирилловна, это Полина Гранкина — вместо старой фельдшерицы. Мы с вами договаривались.

Но Лидия Кирилловна ушла куда-то вглубь дома и признаков жизни не подавала. Вероника Николаевна втащила один из чемоданов, сама пошла вперёд, выглядывая хозяйку.

— Лидия Кирилловна? Где ей расположиться? Может, в клеть?

Глава распахнула одну из дверей, пропуская Полину внутрь, но тут открылась дверь избу, обитая ватой и клеёнкой. Лидия Кирилловна грозной тенью встала на пороге.

— Совсем сдурела? Хочешь, чтобы девка околела зимой?

— Почему зимой? Подъемные придут, дом фельдшерицы подлатаем и съедет. Месяц всего перекантуется.

— Знаю я ваш «месяц». В избу иди. Не хочу потом врача от бронхита лечить.

Полина решила, что это удачное время, чтобы представиться самой. Она протянула руку.

— Здравствуйте, Лидия Кирилловна! У вас отличные цветы там. Меня зовут Полина Гранкина, Полина Всеволодовна. Я — врач-терапевт, окончила Первый мед, — Полина помахала протянутой рукой. — Вы, кстати, первая, кто меня врачом назвал. Остальные фельдшером зовут. Будем знакомы?

Лидия Кирилловна развернулась на пороге.

— Виделись.

Старуха прошла вперёд, под свет из окон, и Полина застыла. Действительно виделись. Тонкие поджатые губы, острый взгляд, прямая спина. Полина набрала в грудь воздух — третий худший день её жизни. Её квартирной хозяйкой оказалась королевская дама из маршрутки.

— Раз всё в порядке, я пошла! — раздался крик с улицы.

Вероника Николаевна сбежала.

Через широкий и высокий порог Полина втянула чемодан в избу. Мирохина стояла у входа в комнатушку за русской печкой.

— Будет жарко — окно откроешь. Книжки бери, ничего выбрасывать не смей.

С этими словами Мирохина ушла в кухню, где загремела кастрюлями. Полина втиснулась внутрь. Вместо двери на толстой леске висела пыльная гардина тёмно-зелёного цвета, выцветшая полосами. Почти всю комнату занимала высокая железная кровать. Над нею, на покрывале с оленями — вымпелы и фотографии с похорон. На угловой этажерке с деревянными балясинами битком торчали книги: Агата Кристи, Честертон, Чейз. Детективы про старую добрую Англию.

Полина с опаской села на кровать, ожидая, что провалится до пола на растянутой сетке. Сетка была натянута отлично, а вот места под кроватью для чемоданов не было. Там тоже были книги. Книги были даже в небольшой деревянной тумбочке и на подоконнике. Вместо шкафа к стене были прикручены четыре крючка, а сверху — полка. Здесь валялись книги посвежее: Донцова, Устинова, Маринина. Куда распаковывать два битком набитых чемодана до пояса и рюкзак, новоявленная жительница сельского поселения Верхняя Волянь не имела ни малейшего понятия. Здесь ей предстояло прожить следующие шестьдесят месяцев.

Глава 5

Два месяца спустя из-за разросшегося куста элеутерококка появился велосипед в ржавых подпалинах. Полина оттолкнулась и с силой перебросила ногу через раму. Всем весом надавила на педали, чтобы взобраться в горку.

— Да что ж такое-то? Только от неё.

Через плечо был перекинут набитый рюкзак, зубы сжаты, глаза красные от недосыпа.

Полина Гранкина была нарасхват. Сегодня она в третий раз ехала к старухе Красковой. Она звонила «Полиночке» каждый раз, как заскучает. Всё ограничивалось тем, что Полина мерила ей давление, писала его на листке и уезжала. Теперь было то же самое. Полина послушала сердце, привычно измерила давление, складывая аппарат в рюкзак.

— Элеутерококк у вас есть? Если нет, приходите. У нас куст большой, хватит.

— Ой, деточка, знаю я ваш куст. Лидка его из Москвы, из Тимирязевки пёрла. Всей деревней встречали.

— Ну, хорошо, тогда я дальше поехала.

Следующим пациентом оказалась дачница. Насобирала грибов за участком. Тревога оказалась ложной, достаточно было промыть желудок марганцовкой.

Затем перевязала руку строителю: болгарка сорвалась. Швы держатся, заражения нет. Но ещё один укол от столбняка Полина вколола. После была пациентка с диабетом, двое перенесших инсульты. Женщина уже вставала на ноги, Полина предложила её родным собираться раз в неделю перед администрацией на ОФП. Услышала привычный отказ и снова водрузилась в седло.

Деревня была всё ещё непонятна. С одной стороны — доживающие старики, махнувшие на всё рукой сорокалетние дети, которым водка заменила смысл, брошенные внуки без чистого белья. С другой стороны — фрилансеры и родители ЭКО-поколения. Такие приезжают в деревню ради воздуха, красоты, качественных продуктов. Они фермерствуют, как развлекаются, говорят о Париже и вспоминают поездки в Китай. Видимо, вся разница в выборе. Старая деревня была его лишена: здесь родились, здесь и помирайте. Новая поглядела мир, пообщалась с людьми и знала, куда ехала. Для первых огороды и сортир — каторга. Для вторых — временные трудности, потому что выбрали сами, значит, сами и могут изменить. Именно поэтому Верхняя Волянь была так интересна.

Свежие бревенчатые срубы на три этажа соседствовали со столетними избами, обмазанными глиной, резные рассохшиеся наличники обрамляли пластиковые окна, кирпич рядом с сайдингом, голые блоки напротив аккуратно выкрашенного дерева. Голубые металлочерепичные крыши, рубероидные, шиферные, жестяные. Кирпичные, железные, сеточные, деревянные заборы. Был и один обклеенный рекламными растяжками фильмов десятилетней давности. Сразу ясно, где работал его владелец.

Полина устала. Она оглядела фельдшерскую: ни одной пылинки, стеклянный шкаф закрыт, лекарства в старом холодильнике, добытом Ртищевой. Медкарты рассортированы: умершие и живые. Под стеллажом отыскались бланки, и Полина заполнила медкарты на всех жителей Верхевольнского сельского поселения.

Первые две недели Полина сидела тут. Чинно приходила, надевала белый халат и ждала. Час, два. Со скуки перемыла процедурную и кабинет раза четыре, но никто не приходил. Только Вероника Николаевна и библиотечка по соседству заглядывали.

Профессор Тихомиров, конечно, не гнушался театральщины, но чувство собственного достоинства своим интернам привил. Врач — это врач, оплот гигиены и здравого смысла. Белый халат давал уверенность в своих знаниях, придавал солидность. Но пациенты не приходили. Заглядывали иногда из любопытства, просили телефон. Полина отвечала, что по адре-

сам не ездит, приезжайте сюда, и оставалась в полном одиночестве. После московской суеты быть запертой в деревенском медпункте было ужасно. Полина начала понимать заключённых в одиночке. Она каждую минуту порывалась набрать родителям, но не решалась их тревожить и писала рыжей Варечке. Поначалу та отвечала охотно, потом бросала «некогда» и отключалась на неделю. Полина её понимала: в Москве слишком много народа, слишком много требований, слишком много проверок, всего слишком много. В Верхней Волыни всего этого не было, зато было свободное время, телефон с интернетом и мысли о Нём.

Полина грозилась оборвать себе руки, прятала мобильный под стопку выстиранных Мирохиной простыней, но всякий раз как Вероника Николаевна звала пить чай, Полина находила себя рассматривающей фотографии Артёма в соцсетях. Она заставляла себя удалить его фото из телефона, и через несколько дней у неё появлялось несколько новых папок с его улыбкой.

В конце второй недели от недостатка движения начала ныть спина. Полина плюнула на наставления профессора и оседлала старый велосипед. Московский ритм жизни не оставлял времени на страдания. Тягучая, медленная деревня их только распалаяла. Значит, надо забыть свою жизнь делами, чтобы на пустяки времени не оставалось. Полина ездила по деревням, стучалась в каждый дом, оставляла свой телефон, знакомилась с жителями. Теперь в медпункте она почти не появлялась: в случае чего, ей звонили на мобильный.

Полина привычно прилепила «У Мирохиной. Звонить по номеру» на дверь и помчалась к дому.

Лидия Кирилловна Мирохина оказалась дамой весьма запасливой. Она выдала Полине навесной замочек для шкафа с лекарствами и велосипед. Москвичка была ей очень благодарна, но... тосковала по дому. По маминым котлеткам, папиным усам и щебетанию Варечки. Деревня не принесла лёгкости, наоборот — здесь Полина чувствовала себя в тюрьме. Если бы не забор, ограждающий палисад, Полина с удовольствием припарковалась бы в самую гущу элеутерококкового куста. Но забор был, и она прислонила велик к нему, скинула кроссовки и прошлёпала босыми ногами по свежему полу в свою каморку.

— Чего так рано? Рабочий день до двух, — вездесущая Мирохина услышала её приход.

Полина рухнула на кровать. Осталось продержаться всего пятьдесят восемь месяцев. Полина застонала — выдержит ли? А-а-а! Завернулась рулетиком в покрывало и затихла.

Долго лежать не получалось. Полина привычно вытянула смартфон, ткнула несколько значков и через мгновение изводила себя сожалениями и жалостью. Пальцы с коротко стриженными ногтями скроллили вверх-вниз, раздвигали для укрупнения. На экране мелькали картинки из жизни Жени Исаковской, в девичестве Тихомировой. Мозг, бессердечная ты штука! Как бы ни пыталась Полина сбежать от Артёма, мозг находил способы его увидеть. Кольца, улыбки, кофе на двоих, ноги из-под одеяла, кот калачиком у уха, концерт в стиле #followme, примерка шляп, новый халат для доктора Исаковского. Полина не сразу сообразила, что скрип — это скрежет её собственных зубов. Она бухнулась головой в подушку. Нельзя! Нельзя думать о синей обезьяне. Для этого надо думать о чём-то другом? О чём?

Полина перевернулась на кровати. Комната переменилась. Покрывало с оленями вернулось к хозяйке, двери-шторы сменились бирюзовыми, а на стене появились две новые полки для книг. Многие из них уже были прочитаны. Под кроватью даже нашлось место для одного чемодана. В комнате находился экстренный запас одежды, другая часть — в медпункте. Остальное так и осталось не распакованным. Второй чемодан валялся в клетке.

Мачете Полина хранила под матрасом, а вот пугач таскала с собой в рюкзаке. Однажды на неё набросился кладбищенский пёс Карлсон. Спасла цепь, на которой он сидел. Но Полина приняла меры. Велосипед, как ни странно, отдала Мирохина. Он занимал место в сарае. Пришлось смазать его растительным маслом, но ездил агрегат исправно. Полина поклялась

при первой же возможности перекрасить чёрный остов во что-нибудь более жизнерадостное. Может, сейчас?

Полина снова принялась рассматривать фотографии. Подъёмные так и не пришли. Полина направила документы на свой миллион через неделю после приезда. Оформилась в районной больнице, официально сельский врач относился к ним как участковый врач с проживанием на месте. Зарплата составила 12 385 рублей. Но это ничего, тратить их в деревне всё равно было некуда. К тому же Марья Онучина оказалась права: врач на деревне голодным не останется.

Полину задабривали домашними яйцами, водкой, тушёнкой, козым творогом и молоком, вареньем и даже живым утёнком. Однажды выдали отрез пёстрого ситца «на платье». Старуха Мирохина каждый раз цедила: «Что за народ», но ничего не выкидывала и не возвращала. Аккуратно складывала в клетки или использовала по назначению.

Впрочем, не сегодня. Сегодня Лидия Кирилловна зачесала седые волосы костяным гребнем и открыла погреб.

— Полина, спишь? Помоги давай.

Полина со вздохом соскреблась с кровати. Конечно, можно проигнорировать, но поджатые губы и укоризненный взгляд работали отлично. Посреди кухни был открыт люк в погреб. Мирохина стояла рядом, с лампочкой на шнуре.

— Там в центре крюк, подвесишь.

Спускаться в промозглый холод придётся Полине. Да, блин... Полина полезла-было вниз, но Мирохина её затормозила.

— Кофту надень, и калоши. Щас принесу.

Под рукой имелась лишь одна кофта — худи с Губкой Бобом. В клеть за другими идти было лень, Полина натянула любимое. Волосы прикрыла косынкой, влезла в калоши. Широкие и большие. В таких очень удобно свалиться с лестницы.

— Может, я в кроссовках?

— А кофты у тебя другой нет? Эту пачкать будешь?

Полина пожала плечами.

— Постираю.

Мирохина фыркнула и протянула лампу.

Крюк действительно оказался в центре потолка. Ещё на лестнице Полина повесила на него лампу, и сразу стал ясен масштаб проблемы. Основательный земляной погреб три на три был весь заставлен банками. Полки начинались от пояса и шли до потолка. Трёхлитровые банки с компотами, яблочным соком, литровые с огурцами и помидорами, армии варений, протёртых овощей, грибов. Все подписаны: 2015, 2016, 2017, 2018, 2019. На мгновение Полине показалось, что она — лекарство, забытое в дверце битком набитого холодильника. Под пузатыми рядами стояли ящики. В некоторых был песок, другие зияли чернотой, и от них исходил чуть заметный запах гнили. Полина поёжилась — тут и правда было холодно.

— Так что делать?

Старуха на верёвке спустила ведро.

— Картошку из ящика выскребай. Новый урожай скоро.

— Из какого ящика? Их тут шесть.

— Из всех.

— Охренеть!

Полина быстро оглянулась, но наверху было пусто. Однако как именно выскрепать картошку Полина не понимала. Не голыми же руками? Пришлось вылезти и достать из рюкзака коробку латексных перчаток. Полина их берегла, использовала нечасто, но не полезет же она

голыми руками. Коробку пришлось положить обратно: Лидия Кирилловна с грохотом и упрекающим взглядом положила на стол совок и резиновые перчатки.

— Что, думала я перчаток не дам? Совсем Мирохина изверг?

— Простите. Я не знала, как попросить.

— Медик, а что говорят ртом — не знает.

Мирохина всучила совок и заняла выжидательную позицию.

— Чего ждёшь? Давай. Я ведро тянуть буду.

И Полина снова спустилась в холодный подпол, надеясь, что управится быстро и не заболит. Работа оказалась почти не грязной. Полина совком поддевала песок, ссыпала в ведро и передавала Лидии Кирилловне, которая за верёвку вытаскивала наверх. На вскидку ведро весило не менее десяти килограммов. Может, пятнадцать. Мирохина поднимала его не морщась. Врач-терапевт, лучший интерн профессора Тихомирова, была уверена, что эта семидесятидвухлетняя старуха — ведьма. У самой Полины от такого спина отвалилась бы сразу.

После второго ящика молчаливой работы Полина не выдержала.

— Лидия Кирилловна, а можно варенье взять к чаю? Тут есть земляничное.

— Заболеешь — покормлю. Нечего продукт переводить.

— Но у нас повод — очистка гнилостных заражений в подвальных помещениях дома.

— Нет там заражений. И мышей нет. Я дважды в год чищу. Сейчас теплодуйку поставлю, просушу.

— Тут варенье пятнадцатого года. Можно его? Оно же скоро засахарится.

— Засахарится, выкинем. Ты давай, на чужое не зарься. Вон тебе манник с утра передали, его ешь. И вообще прекращай свои городские замашки, а то будешь, как Сашевич, бельмом.

Полина подвисла вместе с совком. Сошкрябанная со дна грязь и мелкие морковки упали обратно.

— Что вы имеете в виду?

— Сашевич приехала когда же? В восемьдесят пятом, кажется, из Узбекистана. В нашей школе русский язык с математикой преподавала. Редкое сочетание. Гуманитарии в точных науках не разбираются. Столько лет тут прожила, а так ни с кем не сошлась. Бирючка. После смерти сына совсем закрылась, только в магазин ходит. А ведь с людьми работала, как ты. Могла уважаемым человеком стать.

Полине расхотелось вычищать ящики. Она здесь всего-то на пять лет, уже меньше. И пока не нашла, с кем можно сдружиться. Со старухой Красковой? С Гариком Мозжугом? Нет. В этом скучном месте можно только спиться за компанию.

— Эй, ведро давай? — привёл в реальность голос Лидии Кирилловны.

Полина зачерпнула совком очередную порцию грязи, но сверху послышались размеренные гудки: врача вызывали пациенты. Полина взлетела по лестнице, отстранив старуху.

— Ты меня слышишь? Кончай бобыльничать, поговори с людьми. Чтоб и в горе, и в радости.

— Со мною и так уже все, и в горе, и в радости.

Полина, стянув перчатки, ткнула в телефон. Полина знала, что домовладелица за её спиной недовольно сжала губы и сузила глаза. Пофиг! Её ждали Кутенковы.

Через несколько минут и право-левых поворотов старый велосипед с ржавчиной затормозил у левой половины колхозного дома. От забора отслоился старший отпрыск Кутенковых, Пашка.

— Зря они вас позвали. Сами виноваты.

Полина уже спрыгнула с велика. Шестнадцатилетний парень деловито припарковал агрегат у пня. Врач на ходу открыла тяжеленный рюкзак. Что ей понадобится? Градусник? Зелёнка? Бинты? Шовный материал? Скорее всего всё вместе: с детьми Кутенковыми на спокойную жизнь рассчитывать не приходилось. Шесть человек разновозрастной детворы навевали ужас

на близлежащие деревни. Полина была уверена, что дачники ими пугали своих детей. Кутенковы всегда ходили в ссадинах. Если у них не было бородавок, забытого чирья, распоротого пальца или лёгкого сотрясения — день прошёл зря. Сегодня Полину ждал джекпот!

— Что? — переспросила она Пашку.

— Задницы занозили, чо не ясно? На жердях сидели, в жопы деревяшки вогнались.

Полина сморгнула, не зная, плакать или смеяться. Когда зашла в калитку, поняла, что сдерживаться бессмысленно. Трое младших валялись на солнцепёке на полосатых матрасах. Голые попы белели по сравнению с шоколадным загаром. Дети рыдали. Татьяна, их мать, стряхивала на них мокрое бельё.

— Чёрт вас на конюшню понёс, что ли? Падать-то зачем?

Дети хором ныли, что им больно и больше они не будут.

— Нечего матрасы мочить! Я их не для того из дому вытащила. На просушку! А ну молчать! Вон Полина Всеволодовна пришла, щас как засунет вам в жопы скальпель.

Вой усилился. Татьяна поспешила к Полине с широченной улыбкой.

— Я больше не могу сдерживаться, а ты сильно не ржи — авторитет потеряешь! Эти балбесы на конюшне с ограды слетели. Даже не знаю, как домой добрались, Федька еле ковыляет. Я сама попробовала достать, но глубоко, потому и позвонила.

Дети заныли:

— Мы не нарочно! Пожалуйста, Полина Селдовна, больно.

Татьяна замахнулась мокрой простынёй.

— Ух, обормоты! Огрела бы, да жалко.

Под такой аккомпанемент Полина занялась приготовлениями. Запихала в рюкзак худи (жарко) и надела халат. Вытащила жестяную коробочку с хирургическими инструментами, абсолюсепт, перекись, марлю на повязку. Сперва попросила ассистировать Татьяну, но у той обед горел, пришлось инструктировать Пашку.

— Руки моем тщательно, и под ногтями. Я ни к чему не притрагиваюсь, ты делаешь, что я говорю.

Пашка безразлично отвернулся, но по тому, как рьяно он тёр руки мылом, Полина поняла, что помощник из него выйдет толковый. Детвора запричитала.

— Я не хочу, чтоб он ко мне подходил!

— А ну, цыц! Получить хочешь? — рявкнул старший брат.

Полина стряхнула воду с чистейших рук.

— Паша, не надо. А вы — не ныть! Приступаем. Паш, антисептиком им пшикни.

Новоявленный медбрат моментально исполнил распоряжение. Три голые попы завоняли спиртом и страхом.

— Пинцет, — скомандовала Полина, и почти тут же в её руках оказался холодный металл.

Лишь одна заноза была по-настоящему глубокой. Полине пришлось сделать укол лидокаина перед надрезом. В такие минуты она чувствовала себя детективом, доктором Хаусом и Пуаро в одном флаконе. Нужно добыть улику. Пашка промокнул кровь, Полина пинцетом подцепила деревяшку. Заноза оказалась длинной. Пришлось тщательно продезинфицировать. Иглу подготовила сама, снова вымыла руки, Пашка щипцами осторожно передал и тут же сбегал. Полина не расстроилась: дальше она управится сама. Через пять минут на трёх детских попах красовались марлевые заплатки, а Татьяна вытирала слёзы на четырёх детских мордочках: Пашка тоже переживал за мелюзгу.

Полина успела каждому вколоть вакцину от столбняка, прежде чем детвора унеслась по своим делам. На этот раз в поля, где скатали солому. Фёдор, владелец зашитой попы, деловито

уковылял следом. Даже закинуть ногу на велосипед ему оказалось не под силу — слёзы выступили на глазах, он закусил губу.

— Сидеть ему нельзя. Если что — анальгин, ну, или что у вас есть, и холодный компресс. Звоните в любое время. Думаю, с такой активностью к вечеру шов разойдётся.

— Полин Всевлдовна, может, чаю? Я тесто поставила, — Татьяна махнула в сторону эмалированного ведра, под полотенцем вздувалась масса теста, — плюшки будут. Хоть с нормальным человеком поболтать, а не с этими извергами.

Может, права Мирохина, и Полине нужно завести в деревне друзей? Опять же, плюшки подходят. Это явно лучше, чем выгребать песок в холодном подполе с блёклой лампой. Желудок заурчал жалобно, просительно. Но планам не суждено было сбыться: мобильный зазвонил, в калитку ворвались дети.

— Мама! Мама! Училка!

— Аллю? Да, Михаил Иванович.

В следующее мгновение тяжёлый рюкзак стукнул Полину в спину, а его хозяйка яростно крутила педали к пустырю. Вслед неслось монотонное гудение: деревня смаковала новость. Учительницу Сашевич укусила змея.

Укусов змей у Полины ещё не было. Она одновременно чувствовала ажиотаж и ужас. Это не экзамен, профессора Тихомирова и более опытных врачей рядом нет. Придётся справляться самой. Полина ворвалась внутрь и чуть не полетела на пол, прямо к смачному плевку — запнулась об обувь. Ботинки разлетелись, камешек застучал по полу. Подскочила — к ней хромала Сашевич собственной персоной.

Михаил Иванович Онучин, муж дородной Марьи, трусил рядом. Полина налетела вихрем.

— Немедленно лечь! Где холодильник? Покажите укус! Скорую вызвали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.